Том 5. Глава 12

Один человек поднял глаза к потолку, выражая свою боль. Никто не знал, сколько времени он провел в этом состоянии, не двигаясь с тех пор, как вернулся домой. 10 минут, 20 минут, 30 минут. Или это прошел уже час? Внутри у мужчины было полно неописуемых конфликтов и сожалений. Это был первый раз, когда он почувствовал слабость и пустоту.

(Интересно, где я ошибся… у нас еще должно было быть немного времени… мы где-то ошиблись? Или с самого начала не было никакого способа спасти эту страну?)

Когда его тесть проиграл в борьбе за власть против герцога Герхардта, он не чувствовал себя таким безнадежным даже по сравнению с его прошлым, когда ему приходилось все время оставаться на своей территории.

– Прошу меня извинить… пришел Зереф-сама. Могу я впустить его?

Стук старого дворецкого вернул графа Бергстона в сознание.

– Впустить его…

В его сердце пересекались чувства желания и нежелания встретиться. Он перевел взгляд на пачку бумаг, лежавшую на столе. Несколько часов назад это был последний козырь, который мог изменить Королевство Розерия, но теперь это был мусор, который больше не имел цели. Никто не знал, сколько усилий и жертв нужно было приложить, чтобы эта гора бумаг исчезла. У него не хватало смелости посмотреть прямо в лицо своему шурину, который искренне ему доверял. Даже когда он знал, что его родственник не из тех, кто легко обвиняет других.

– Какое у тебя мрачное лицо… шурин…

Открыв дверь, Граф Зереф нахмурил брови, увидев графа Бергстона.

– Ну, думаю, тут уж ничего не поделаешь… особенно в такой ситуации…

Граф Бергстон ответил графу Зерефу глубоким вздохом, усаживаясь на диван.

– По дороге сюда я слышал, что Ее Величество упала в обморок после срочного сообщения.

Удивленный Граф Зереф уставился на своего шурина.

– Верно, она упала в обморок после того, как услышала, что произошло восстание. Сейчас она отдыхает в своей спальне. Ей, в конце концов, тоже есть о чем беспокоиться… но все же, вы

впечатляете, как вы узнали?

В ответ на этот вопрос Граф Зереф пожал плечами. Приказать людям молчать было легко, но выполнить такой приказ было очень трудно. И такие вещи были очевидны для графа Зерефа, который был хорош в сборе разведданных.

– Нет никакого смысла в молчании. В конце концов, даже Богу было трудно держать чей-то рот на замке. Особенно сейчас, когда все озабочены будущим страны…

Во-первых, люди – существа, которым нравятся слухи. Они распространяли сплетни, как рябь, от одного человека к другому. А это переплетение правды и лжи. Трудно подавить такие инстинкты силой.

– Это что-то неизбежное?

– Верно… – ответил граф Зереф графу Бергстону.

Некоторое время они молча смотрели друг на друга. После долгой паузы Граф Бергстон прервал молчание. Сейчас у него не было времени беспокоиться о здоровье Люпис.

– Я напрасно потратил твои усилия… Мне очень жаль…

Граф Бергстон низко склонил голову. Однако Граф Зереф только улыбнулся, как обычно.

– Не волнуйся слишком сильно, шурин.

– Но!

– Ничего не поделаешь. Так как изначально это имело низкий шанс на успех…

На лице Эрла Зерефа не было и намека на возмущение. В глубине души он понимал, что на этот раз ничего не поделаешь.

(Этот парень… или это потому, что я все еще слишком наивен?)

Заметив такое отношение своего шурина, Граф Бергстон снова устремил взгляд на стол. Эта пачка бумаг, лежавшая на столе, была заполнена информацией о сборе налогов, производимом в Королевстве Розерия. Кто, когда, где, сколько денег и какими средствами их собирал. И также сколько они положили в свой карман и сколько было передано правительству. Все было записано в этих бумагах.

Основываясь на этой информации, Граф Бергстон планировал очистить людей, которые были частью фракции дворянина. Многие проблемы страны были вызваны дворянами, собравшимися под началом Герхардта. Они раздували недовольство Люпис, вмешивались в национальную оборону и давили на бюрократов, чтобы те затягивали государственные дела. Такие действия не могли привести к смертельному исходу, но это нельзя было игнорировать. А недоброжелательное отношение к сотрудничеству было гораздо хуже, чем откровенная враждебность, потому что с ним было гораздо труднее иметь дело. Не говоря уже о том, что положение и личность Люпис также затрудняют его реакцию.

Самым простым решением для преодоления этой головоломки была чистка двух или трех некооперативных домов с низкой политической властью. Дворяне больше всего боялись разгрома собственного дома, но такое запугивание и вселение страха были необходимы, чтобы притупить враждебность. После этого можно использовать мягкий метод, чтобы сблизить других дворян. Не было особых трудностей и тогда, когда речь шла о причинах чистки.

Конечно, что одних слов недостаточно. За каждым домом скрывалась одна или две темные тайны, и естественно было называть их преступными. Более или менее, если у Люпис хватило терпения вынести такие страдания с ее абсолютной властью, то очищение не было невозможным. Но, как правило, Люпис выбирает спокойные и умеренные ответы, неспособность осуществлять свою государственную власть привела ее к тому, что она ничего не добилась. Таким образом, Граф Бергстон только наблюдал, не принимая никаких мер. До того дня, когда другие дворяне ослабили бдительность и обнажили свои яростные клыки и уродливую природу под ярким дневным светом.

– Честно говоря, мне бы очень повезло, если бы все прошло хорошо. В конце концов, этот план было очень трудно осуществить…

Граф Зереф оборвал свои слова и слегка выдохнул.

План, о котором он говорил, состоял в том, чтобы уничтожить дворян, разобравшись в их скрытых преступлениях. По закону штата это было законно. Но в срок это было очень трудно выполнить. Самая большая проблема заключалась в том, что эти дворяне использовали имя Люпис для своих собственных целей и вызывали недовольство среди граждан. Целью этих дворян было восстание. Какими бы слабыми они ни были, угнетенные люди не могут вечно находиться под чьей-то милостью.

Правителю не обязательно любить народ, но если народ поднимет восстание, он будет лишен права быть правителем. По этой причине нужно было обладать знаниями, чтобы правильно поддерживать свою территорию. При таком положении дел существовало два способа справиться с нынешней ситуацией: первый – использовать государственную власть и очистить ее, неся на себе клеймо позора, которое приходит вместе с ней, или, наоборот, понять цель оппонентов и судить их по закону, прежде чем их цель станет реальностью. Однако обе меры теперь уже превратились в пузыри. Все это закончилось, когда умер сборщик налогов, посетивший деревню.

– Не говоря уже о том, чтобы быть министром Королевства Розерия. Я также верен Королеве.

Вот почему я принял просьбу моего шурина принять меры, несмотря на то, что они не очень полезны, по крайней мере, я мог бы помочь, но теперь все напрасно…

– Зереф… Ты…

Граф Бергстон невольно затаил дыхание из-за слов Зерефа, исполненных сочувствия.

– Шурин-Доно… ты должен был заметить это, верно?

Нежная улыбка, которая всегда была на лице Эрла Зерефа, исчезла. В его словах было давление, которое остро ощущалось.

– Зереф, хватит… мы ее подданные…

Было очевидно, что он пытался сказать. Отсюда слова Зерефа противоречили бы убеждениям графа Бергстона. И вовсе не потому, что граф Бергстон не понимал причины. Однако Граф Бергстон не хотел слышать продолжения слов своего шурина, которому он доверял больше всего. Потому что, если он прислушается к ней, ему нужно будет принять решение, разделить ли путь вместе или выбрать другой, противоположный. Однако на этот раз Зереф отнесся к ситуации очень серьезно. Даже понимая чувства Бергстона, Зереф продолжал говорить.

– О, шурин, давай посмотрим правде в глаза… мы более чем были верны стране. Разве мы не должны исследовать путь для нашего выживания сейчас?

– Но… это так…

– Ты хочешь сказать, что мы оставим Люпис? – Бергстон задумался, задавая этот вопрос.

Однако Зереф не отступил. Было очевидно, что большая беда постигнет его самого и его семью, если он вырвется отсюда. В худшем случае его отношения с шурином будут разрушены. Но до этого момента даже Зереф был готов принять все.

– В любом случае, у Ее Величества больше нет возможности выстоять… если мы не сможем подавить восстание, даже простолюдины не смогут сохранить Ее Величество в живых из-за своей обиды…

– А это значит, что Герхардт будет использовать принцессу Ладину и вытеснит Люпис? Их законная причина была бы вымыванием некомпетентного правителя…

В ответ на слова Бергстона Зереф медленно кивнул. В тот момент, когда способности правителя подвергались сомнению, легитимности не существовало. Иногда вопрос о легитимности может стать самым сильным оружием. Во время последней гражданской войны

такая причина была самым большим преимуществом в руках Люпис. Однако теперь все было наоборот.

– Тогда нам придется вести переговоры с простолюдинами…

Мирное урегулирование путем переговоров, а не подавление с помощью вооруженных сил. Таким образом, Люпис может получить меньше вреда. Однако Зереф не согласился с предложением Бергстона, даже не углубляясь в тему.

– Это было бы пустой тратой времени. В этой ситуации люди не будут доверять нашим словам, и аристократы не будут легко уступать простолюдинам…

Независимо от того, в каком мире ты живешь, секрет национальной стабильности был ограничен тем, сколько страха по отношению к правительству можно сохранить. Либо используя финансовую мощь и силу закона, либо военную мощь. Люди следовали за государством, потому что государство было сильным и грозным. К лучшему или худшему, безопасность с помощью власти была абсолютно необходима для достижения стабильности. А сейчас у Люпис не было такой силы. И поскольку у нее ее не было, она не пользовалась доверием, что означало, что ее слова были бессмысленны…

– Дело в том, что теперь многие сомневались в способности Ее Величества Люпис управлять страной. И этот бунт стал бы для нее смертельной травмой. Тогда все аристократы поддержали бы Герхардта…

– Неужели мы действительно ничего не можем сделать?

– Это невозможно. Во-первых, влияние Герхардта распространяется почти на 40% всей знати этой страны. Нейтральные аристократы будут подчиняться Герхардту, если только они не затаят на него очень сильную обиду.

Легитимность была сильнейшим оружием Люпис. Однако в нынешней ситуации правое дело было бы сомнительным, если бы Герхардт сказал, что хочет избавиться от глупого правителя. Кроме того, если бы он использовал Ладину в качестве номинального руководителя, он также мог бы объявить законность.

– Ничего нельзя сделать?

– По крайней мере, если бы нам удалось что-то сделать с Ладиной-сама, то, возможно, был бы какой-то выход, но…

Без Ладины, сколько бы Герхардт ни приукрашивал ее, это не изменит того факта, что он узурпировал трон у Люпис. Некоторым аристократам такие перспективы не нравились, поэтому люди могли бы предпочесть повиноваться Люпис и слушать Бергстона, но в нынешней

ситуации это было невозможно.

– Наверное, уже слишком поздно? В конце концов, суд оказался роковым, не так ли?

Бергстон посмотрел в потолок и вздохнул.

(Как и следовало ожидать, было бы лучше очистить Герхардта в момент окончания Гражданской войны…)

Хотя он понимал, что не было смысла говорить о прошлом, ничего не поделаешь, если он чувствовал сожаление. Потому что рассвет светлого Королевства Розерия закончился в этот момент.

(Но теперь уже все слишком поздно. Блестящее будущее упало с нашей ладони. И с этим восстанием правление Ее Величества закончилось. Если это так, то…)

Должен ли он погибнуть вместе с Лупис, или он должен исследовать путь к выживанию? Чувство долга как министра Королевства Розерия и его ответственность как правителя своей территории. Эти дела нельзя просто так оставить. Но сейчас он должен выбрать одно из двух.

В комнате воцарилось долгое молчание. Зереф спокойно ждал решения Бергстона. И, наконец, пришло время, когда ему нужно было высказать свое решение.

– Очень хорошо… позвольте мне услышать Ваше мнение. Как мы можем защитить нашу семью?

Как человек, Люпис никогда не ошибалась в своих решениях. И она также никогда не ошибалась как человек, ответственный за национальные дела. Она не годится в правители, потому что не ошиблась. Точнее говоря, она выбирает правильный вариант как личность, а не как правитель.

(Ваше Величество… пожалуйста, простите меня…)

Бергстон проливал кровавые слезы в своем сердце. Он никогда не ненавидел Люпис. Хотя Люпис иногда делала глупые и детские суждения, ее характер был добрым. По крайней мере, в прошлую гражданскую войну Граф Бергстон искренне служил ей. Однако, в нынешней ситуации, был доступен не очень большой выбор. Потому что у Бергстона тоже были семья и вассалы, которых он должен был защищать.

– Это разумное суждение, шурин-Доно, – в ответ на слова Зерефа Бергстон кивнул, кусая губы.